

А.С. Смирнов
A.S. Smirnov

**О ГРАНИЦАХ ПОНЯТИЯ «ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ»:
 АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**ON THE LIMITS OF THE CONCEPT "EXISTENTIALISM IN
 LITERATURE": ANTHROPOLOGICAL ASPECT**

Статья посвящена определению границ понятия «экзистенциализм в литературе». Предметом анализа служит соотношение понятий «экзистенциальное» и «экзистенциалистское». Определяется, что экзистенциализм в литературе правомерно рассматривать в контексте не только историко-философского, но и историко-литературного процессов. Такой подход позволяет обнаружить, что многие формы литературной версии экзистенциалистской философии наблюдаются в художественной литературе как до, так и после собственно экзистенциалистской эпохи. В связи с этим выдвигается и обосновывается предположение, что необходимым критерием для квалификации литературных явлений как экзистенциалистских является не только наличие в произведениях так называемой экзистенциальной проблематики (тем, мотивов, сюжетов и т.д.), но и сходство антропологических представлений их авторов с представлениями о человеческой личности Ж.П. Сартра и А. Камю. На примерах произведений «чуждого текста» и «театральных» эпизодов произведений Л. Толстого разных периодов показано, что использование этого критерия позволяет дифференцировать тематически однородные литературные феномены, отделяя явления собственно экзистенциализма в литературе от конвергентно или типологически сходных. Предложена и охарактеризована развернутая теоретическая модель антропологической парадигмы экзистенциализма в литературе. Показано, что отдельные ее компоненты обнаруживаются, в частности, в произведениях русской классической литературы.

Ключевые слова: экзистенциализм, экзистенциальное и экзистенциалистское, антропологическая парадигма, личность, самость.

The article deals with the defining the boundaries of the concept of "existentialism in literature". The subject of the analysis is the relationship between the concepts of "existential" and "existentialistic". It is determined that it is legitimate to consider existentialism in literature in the context of not only historical and philosophical, but also historical and literary processes. This approach makes it possible to discover that many forms of the literary version of existentialist philosophy are observed in fiction both before and after the existentialist era proper. In this regard, the assumption is put forward and substantiated that the necessary criterion for qualifying literary phenomena as existentialist is not only the presence in the works of the so-called existential problems (themes, motifs, plots, etc.), but also the similarity of the anthropological ideas of their authors with the ideas about the human personality of J.P. Sartre and A. Camus. On the examples of the works of the

"plague text" and "theatrical" episodes of L. Tolstoy's works of different periods, it is shown that the use of this criterion makes it possible to differentiate thematically homogeneous literary phenomena, separating the phenomena of existentialism proper in literature from those that are convergent or typologically similar. A detailed theoretical model of the anthropological paradigm of existentialism in the literature is proposed and characterized. It is shown that its individual components are found, in particular, in the works of Russian classical literature.

Key words: *existentialism, existential and existentialistic, anthropological paradigm, personality, self.*

DOI: 10.24888/2079-2638-2023-56-1-75-81

Границы понятия «экзистенциализм в литературе» не определены в современном литературоведении с достаточной четкостью по целому ряду обстоятельств.

Традиционно это явление (сужая его границы, С.И. Великовский называет «экзистенциализм в литературе» течением) связывалось с литературным творчеством французских «писателей, одновременно выступавших как философы-экзистенциалисты: Г. Марсель, Ж.П. Сартр, С. де Бовуар, А. Камю», – и отграничивалось от значительно более широко представленных и в иных национальных литературах (в том числе прошлых эпох) «умонастроений экзистенциалистского толка» [2, 505].

Интуитивистское понимание и произвольные интерпретации последних способствовали диффузии и прежде недостаточно четко разграничиваемых явлений, которая проявляется, в частности, в полемике о соотношении понятий «экзистенциального» (обращение к так называемым «вечным» темам одиночества человека, бессмысленности и трагизма жизни) и «экзистенциалистского» (имеющего касательство к философии и литературе французского экзистенциализма) в русской литературе XX века. С одной стороны, дифференцирующая эти понятия В.В. Заманская тем не менее фактически растворяет явление экзистенциализма во вневременном «экзистенциальном сознании» [6, 23–24]. С другой стороны, С.А. Кибальник полагает, что «понятие "экзистенциалистский" вслед за Г. Марселем имеет смысл рассматривать как тождественное термину "экзистенциальный"», сужая второе до размеров первого и справедливо указывая, что в противном случае под понятие «экзистенциальный» «подойдет едва ли не вся художественная литература: постановка некоторых экзистенциальных тем, например, темы смерти, предопределена самой ее природой» [9, 131].

Феноменологическая неопределенность приводит к внешне парадоксальным, но тем не менее показательным ситуациям, когда причастность к экзистенциализму отвергается самими писателями, несмотря на именно такую их трактовку как исследователями, так и самими экзистенциалистами. Таков, например, случай У. Фолкнера. «В 60-е годы многие исследователи (например, американский профессор, теолог-экзистенциалист Клинт Брукс или французский американист Ричард Леан) говорят о принадлежности Фолкнера к экзистенциализму как о само собой разумеющемся. Рассматривая творчество Фолкнера, Ричард Леан в конце вынужден сказать, что "Фолкнер, конечно же, не экзистенциалист". Но в то же время весь его анализ построен так, чтобы максимально сблизить фолкнеровское толкование проблем человеческой жизни и экзистенциалистские категории» [4, 85]. С другой стороны, не кто иной, как сам А. Камю называет Фолкнера «крупнейшим американским писателем наших дней» [13, 177], имеющим «во Франции такую славу, какой пока еще не удостоился у себя на родине» [8, 567], и перерабатывает фолкнеровский «Реквием по монахине» в пьесу, которую подписывает его и своим именами, что косвенным образом свидетельствует об определенном «избирательном средстве» одного из столпов французского экзистенциализма и американского писателя, экзистенциалистом себя не называющего.

Размывание демаркационной линии между собственно экзистенциализмом и экзистенциальными мотивами (темами, сознанием, проблематикой и т.п.) в литературе

также привело к переопределению, во-первых, вектора генетической зависимости между философскими теориями и их литературным воплощением (показательно, что цитируемый выше С.И. Великовский видит в экзистенциалистах философствующих писателей, а не литераторствующих философов) и, во-вторых и одновременно, идейной и хронологической последовательности «классического» французского и других инациональных (в частности, русского) вариантов экзистенциализма. Как отмечает П.П. Гайдено, философы русского экзистенциализма Н. Бердяев и Л. Шестов, черпавшие «свои идеи и импульсы из художественной литературы, <...> в первую очередь – Достоевского и Толстого», позже транзитивно повлияли на возникновение на Западе «философского направления, получившего название экзистенциализма» [3, 448]. С П.П. Гайдено солидаризуется Н.К. Бонецкая, которая считает подлинным родоначальником русского философского экзистенциализма Ницше, но тем не менее указывает на производный характер русского экзистенциализма как рефлексии «великой отечественной литературы XIX века, – прежде всего творчества Достоевского» [1, 6]. С.А. Кибальник также прямо говорит о Толстом и Достоевском как об источниках и вдохновителях соответственно русского и западноевропейского литературного экзистенциализма [9, 131–132].

Развивая и уточняя выводы указанных исследователей, следует отметить одно существенное обстоятельство: принципиальное использование французскими экзистенциалистами форм художественных дискурсов для построения литературных версий своих философских систем (ср. известное высказывание последовательного в этом отношении А. Камю «Если хочешь быть философом, пиши романы» [7, 12]) делает экзистенциализм в литературе органичной частью не только историко-философского, но и историко-литературного процессов. Художественные произведения Камю и Сартра, представляющие в беллетризованной форме теоретические постулаты именно и только своих создателей, организованы посредством системы устойчивых конвенций (тематика, конфликт, жанрово-родовые свойства, организация повествования и т.п.), сложившихся в художественной литературе независимо от (и задолго до появления) экзистенциальной философии, но оказывающих свое воздействие на архитектуру литературного дискурса ее выражения. Так, например, Сартр для создания эффекта не опосредованного автором высказывания героя выстраивает свой программный роман «Тошнота» в форме дневника, закрепившейся в протестантской культуре и литературе еще в начале XVIII века (ср. «Робинзон Крузо» или «Дневник Чумного Года» Д. Дефо).

Со своей стороны, и писатели прошлого, осмысляя в художественной форме проблемы каждый своего времени, затрагивали среди прочего такие аспекты человеческого бытия, которые в XX веке будут не только реципированы экзистенциальной философией и литературой, но и, переосмысленные, станут их знаковыми характеристиками. Так, роман Камю «Чума» генетически и тематически связан с так называемым «чумным» «текстом» (Дж. Боккаччо, Д. Дефо, Дж. Вильсон, Э.А. По, А.С. Пушкин). В инвариантном ядре сюжета «пира во время чумы» – человек перед лицом масштабной катастрофы – легко обнаруживается так называемая экзистенциалистская «пограничная ситуация», и тот факт, что в Боккаччо, Дефо или Вильсоне вряд ли можно увидеть предвестников экзистенциализма в литературе, лишь обостряет вопрос о границах этого явления и критериях причисления к нему того или иного писателя.

Оставляя за рамками нашего рассмотрения философскую составляющую явления экзистенциализма в литературе, сосредоточимся на его литературном аспекте. «Чумной текст» в его диахроническом развитии – далеко не единственный пример зарождения, вызревания и кристаллизации будущих ключевых характеристик экзистенциализма отчетливо литературного, а не собственно философского генезиса. Кроме того, как представляется, этим же путем философия и литература экзистенциализма реципировала и иные феномены иноприродного, например, социобиологического (ритуализация поведения как способ социальной организации животных и людей) или общекультурного

(театральность, театральное поведение и деформация личности в межличностных контактах) происхождения, первоначально освоенные изящной словесностью.

Взятые в своей совокупности, они образуют целостную систему взаимосвязанных литературных репрезентаций будущей экзистенциалистской философии, и за фундаментальное основание этой системы, исключаящее из нее всякого рода «умонастроения экзистенциалистского толка» или иные конвергентно или типологически сходные литературные явления, необходимо принять антропологические представления французских экзистенциалистов (в частности, персонально Ж.П. Сартра и А. Камю), в отвлечении от которых (представлений) понятие «экзистенциализм в литературе» не может быть специфицировано должным образом. Ограничение фигурами Сартра и Камю обусловлено тем, что совмещение каждым из них философа и писателя в одном лице позволяет трактовать как аутентичные формы и способы литературного воплощения умозрительных антропологических концепций и анализировать их с гораздо большей степенью достоверности, чем в тех случаях, когда исследователь (литературовед) субъективен или пристрастен в своих предположениях, сопоставляя монологические постулаты философских теорий с искусственно вычлененными им отдельными моментами многоаспектных литературных произведений.

Краеугольным камнем философии экзистенциализма является исследование человека в его существовании, и анализировать литературные производные от этого основания в отрыве от него представляется нам логически неверным и методологически ошибочным. Философские воззрения экзистенциалистов на природу человека обуславливают, в частности, концепцию литературного героя и способы его бытования в художественном мире литературного произведения, которые, в свою очередь, определяют поэтику и архитектуру художественного целого. Недооценка или исключение из области литературоведческого исследования антропологической составляющей как раз и чревато обнаружением экзистенциализма (под именем так называемых экзистенциальной традиции, экзистенциальной ситуации) или его элементов (темы абсурда, выбора, смерти, несвободы) во множестве произведений мировой литературы, очевидно не имеющих к нему никакого отношения, от чего и предостерегал С.А. Кибальник (как пример – рассуждение Ахилла перед Ликаоном о неизбежности смерти для каждого человека в «Илиаде» Гомера или тема абсурда человеческой жизни в библейской книге Екклесиаста). И напротив, именно сходство антропологических концепций, явленных в «чумных» текстах Камю и Пушкина, позволяет видеть в последнем более раннего, чем Достоевский, предвестника экзистенциализма, игнорируя тематически (но отнюдь не персоналогически) родственных Камю Боккаччо или Дефо. И именно такой подход позволяет уточнить и дополнить позиции, в частности, «классика» Л.И. Шестова [14, 117, 130–133] и «современника» С.А. Кибальника [9, 132], усматривающих экзистенциалистские тенденции, например, позднего Л.Н. Толстого в его анализе смертности, который, по нашему наблюдению, неотделим от толстовского уже собственно экзистенциалистского анализа соотношения в человеке я-для-других и я-для-себя (см. «Смерть Ивана Ильича»). А истоки этого анализа, идеологически еще очень далекого от экзистенциальной проблематики, были заложены, в частности, в толстовском сопоставлении естественного и искусственного («театрального») в поведении героев, например, «Войны и мира».

Таким образом, если (*если!*) причастность Пушкина экзистенциализму в литературе и можно счесть дискуссионной или даже небеспорной, то на примере произведений Толстого разных периодов его творчества мы безо всяких допущений наблюдаем, как первоначальное осмысление частной особенности бытового поведения русского дворянства в категориях руссоистской философии XVIII века, формально и тематически оставаясь в рамках анализа театральности, тем не менее совершает качественный скачок и вплотную подходит к антропологическим прозрениям французского экзистенциализма XX века. Эволюция и качественная трансформация толстовского анализа естественного / театрального поведения в полной мере очевидны на примерах, с одной стороны,

хронологически, тематически и идеологически «равноценных» «оперных» эпизодов соблазнения Наташи Ростовской Анатодем Курагиным («Война и мир», 1863–1869, т. 2, ч. 5, гл. IX–X) и флорберовской Эммы Бовари Леоном («Госпожа Бовари», 1856, ч. 2, гл. XV) и, с другой стороны, рассказа Толстого «Смерть Ивана Ильича» (1882–1886) с его «театральным» подтекстом, по уровню экзистенциальной проблематики далеко опередившим, например, практически современный «Тошноте» Сартра (1938) роман У.С. Мозма «Театр» (1937).

Таким образом определяется, что попытки обозначить границы экзистенциализма в литературе в теоретико-литературном аспекте выявляют отсутствие его жесткой привязки ко времени экзистенциализма в философии. С одной стороны, как было показано, он обнаруживает себя задолго до собственно экзистенциалистской эпохи, а с другой – перехватывает, сохраняет и транслирует вплоть до наших дней идеологическую повестку французской экзистенциалистской философии, к 1970-м годам уже уходящей в историю. Как отмечает Г.М. Тавризян, «несмотря на общую тенденцию экзистенциализма к спаду в 50-е и тем более в 70-е годы, когда говорить о нем как о сохраняющей преемственность <философской. – А.С.> школе уже не приходится, <...> ряд "экстремальных" категорий экзистенциализма: "заброшенность", "риск", "абсурд" и т.п. – стали скорее носителями литературного, художественного содержания, "каркасом" поэтики целой эпохи в искусстве, их значение как категорий собственно философских утратило свою актуальность» [12, 213–214]. Именно литературное инобытие экзистенциалистской философии предопределило их совместную историко-культурную живучесть вплоть до наших дней. Так, например, открытая идеологическая полемика с М. Хайдеггером и Сартром (с последним – осложненная еще и пародийным переосмыслением-опровержением романа «Тошнота») – один из аспектов романа В.О. Пелевина «IPhuck 10» (2017), а в аудиоверсии его же романа «Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре» (2005) один из участников чата, в экзистенциалистском духе философствующий на «олбанском» языке «падонкв», иронически назван Sartrik'ом.

При этом, несмотря на демонстративное идеологическое дистанцирование от классиков европейского экзистенциализма²³, Пелевин далеко не свободен, с одной стороны, от антропологических представлений обличаемых / пародируемых им оппонентов (и других западных философов XX века), но с другой стороны, что чрезвычайно важно, – от антропологической художественной проблематики Пушкина и Гоголя, конкретный предмет и способы экспликации которой с известной степенью модернизации, тем не менее аналогичны представленным не только в «Постороннем» Камю, но и, например, в «Евгении Онегине» и «Шинели» [11, 97–109].

Таким образом, можно утверждать, что явление «экзистенциализма в литературе» образуется в сложном взаимодействии и пересечении целого ряда феноменов. Основным следует признать положения теоретических работ Сартра и Камю о сущности и различных аспектах человеческой личности (самости), воплощенные (хотя далеко и не полностью) в их литературных произведениях, образующие теоретический фундамент антропологической парадигмы экзистенциализма в литературе. В самом общем, схематическом виде это теоретически-художественное основание можно представить следующим образом:

1. Эскиз (не о-предел-ение) человеческой самости, которая устанавливается посредством анализа:

²³ В «IPhuck 10» сотворенный компьютерными алгоритмами философ Бейонд, показательно названный «третьим из двух», создает тем же способом трактат «Время и ничто». Название трактата и даже самый его текст представляют собой очевидную демонстративно пародийную компиляцию названий и текстов центральных сочинений Хайдеггера («Бытие и время») и Сартра («Бытие и ничто»).

1.1. структуры человеческого «я» (см., например, философские работы Сартра от ранней «Трансценденции Эго» до капитальной «Бытие и ничто»);

1.2. соотношения сознания и ближайшего физиологического материального носителя сознания – тела: декларируемое героем «Тошноты» Сартра отсутствие корреляции между «я» (сознанием своего «я») и своим внешним обликом;

1.3. соотношения сознания и феномена предметного мира, внеположного сознанию и телу, – вещи: центральная для «Тошноты» и одна из основных для «Бытия и ничто» идея феноменологии Э. Гуссерля об интенциональности (направленности на предмет) сознания как необходимого условия подтверждения его бытия (сознание есть всегда сознание чего-то); пограничный между этим и предшествующим пунктами эпизод «Тошноты» с оцарапыванием главным героем своей руки и наблюдением / рассуждением о том, как вытекающая кровь, только что бывшая его в прямом смысле слова органической частью, утрачивает связь с телесным «я» и трансформируется в чуждую «вещь».

2. Постулирование абсолютного индетерминизма человеческого «я», свободы как конститутивного качества экзистенциалистского человека: «человек <...> полностью и всегда свободен или его нет» [10, 452].

3. Осмысление человека как проекта самого себя, постоянное становление человека, неадекватность его самому себе становящемуся и, как следствие, утверждение его невыразимости в слове как свидетельства постоянного выскальзывания человека из системы перманентно устаревающих дефиниций, отражающих свойства и бытие «прежнего» «я» (становящееся «для-себя уходит от своего бытия, <...> оно (для-себя) всегда уже другая вещь, чем то, что можно *сказать* о нем, так как по меньшей мере оно есть то, что избегает самого наименования, что уже по ту сторону имени, которое дают ему, свойства, которое признают за ним») (курсив Ж.П. Сартра. – А.С.) [10, 451]).

4. Анализ трансформаций человеческой личности в условиях социального бытия, представленного в следующих формах:

4.1. «Я» и «другой» (я-для-себя и я-для-других): деформация человеческой самости в межличностных социальных коммуникациях вследствие субстанциального, неотменимого усвоения и повседневной практики ролевого поведения («есть танец бакалейщика, портного, оценщика, которым они стараются убедить свою клиентуру в том, что они представляют не что иное, как бакалейщика, портного, оценщика. Бакалейщик, который мечтает, оскорбителен для покупателя, так как он вовсе не бакалейщик» [10, 94]); художественными параллелями этим рассуждениям Сартра служат в «Тошноте» эпизоды с участием мсье Ахилла, подчиняющего свое «я» «завершающей» (ММ. Бахтин) его характеристике «старый псих», данной доктором Роже²⁴;

4.2. «Другой» и «я»: признание только телесного существования другого-для-меня (и меня-для-другого) и поиск форм и способов его преодоления (у Сартра это искусство) ради подлинной intersубъективной личностной коммуникации, свободной от «греха существования»;

4.3. «Я» и «другие» («естественный» человек в системе искусственных ритуалов социобиологического генезиса): ритуал как инструмент выявления и сегрегации «чужого» в человеческом коллективе и непропорционально жестокая кара за его (ритуала) несоблюдение (вплоть до смертной казни – этой, в прямом смысле слова, «вышей меры социальной защиты») индивидом, экзистенциалистская позиция которого состоит именно в

²⁴ В «Бедных людях» Достоевского примером такого типа личностного самоограничения служит как сознательное принятие Деушкиным навязываемых ему извне образцов самоидентификации («ну, пожалуй, пусть крыса, коли сходство нашли!» [5, т. 1, 48]; «гнушались мною, ну, и я стал гнушаться собою; говорили, что я туп, я и в самом деле думал, что я туп» [5, т. 1, 82]), так и бессознательное усвоение примеряемых на себя типажей героев прочитанных им «Станционного смотрителя» и «Шинели».

демонстративном пренебрежении социальными условностями («Посторонний» Камю, отчасти «Мухи» Сартра).

Свое собственно литературное воплощение антропологическая парадигма экзистенциализма получила также, во-первых, в художественном творчестве писателей – современников или последователей французских экзистенциалистов, близких к своим идейным предшественникам по взглядам на природу и сущность человеческой личности даже при отсутствии формальных заявлений, подтверждающих таковую связь или близость (Фолкнер, Дж. Фаулз как автор «Любовницы французского лейтенанта» и «Аристоса»). Во-вторых, как ни парадоксально это прозвучит, она действительно – безо всяких «мотивов» и «умонастроений» – также представлена в творчестве ряда авторов предшествующего времени, чьи антропологические воззрения, а также способы их литературной репрезентации вполне сопоставимы с таковыми у Сартра и Камю и могут быть рассмотрены как пролегомены или вариации на темы французского экзистенциализма из предстоящего будущего²⁵.

1. Бонецкая Н.К. *Русский экзистенциализм*. СПб., 2021.
2. Великовский С.И. *Экзистенциализм в литературе* // *Литературный энциклопедический словарь*. М., 1987. С. 505–506.
3. Гайденко П.П. *Порыв к трансцендентному: Новая онтология XX века*. М., 1997.
4. Денисова Т. Н. *Экзистенциализм и современный американский роман*. Киев, 1985.
5. Достоевский Ф.М. *Бедные люди* // *Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т.* Л., 1972. Т. 1. С. 13–108.
6. Заманская В.В. *Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий*. М., 2002.
7. Камю А. *Записные книжки* // Камю А. *Соч.: в 5 т.* Харьков, 1998. Т. 5.
8. Камю А. *Предисловие к «Реквиему по монахине» Фолкнера* // Камю А. *Соч.: в 5 т.* Харьков, 1998. Т. 4. С. 567–571.
9. Кибальник С.А. *Экзистенциализм* // *Литературоведческий журнал*. 2005. № 19. С. 131–138.
10. Сартр Ж.-П. *Бытие и ничто*. М., 2000.
11. Смирнов А.С. «Пушкинский» и «гоголевский» «тексты» в романе В. Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи» // *Миргород*. 2020. № 2(16). С. 93–111.
12. Тавризян Г.М. *Христианский экзистенциализм: отход от «философии существования»* // *Французская философия сегодня: Анализ немарксистских концепций*. М., 1989. С. 213–233.
13. Фолкнер У., Камю А. *Реквием по монахине* // *Иностранная литература*. 1970. № 9. С. 177–214.
14. Шестов Л.И. *На весах Иова (Странствования по душам)* // Камю А. *Соч.: в 2 т.* М., 1993. Т. 2.

²⁵ Более того, нами было отмечены случаи, когда отдельные тезисы, к примеру, Сартра-философа, которые не нашли отражения в произведениях Сартра-писателя, обнаруживались как предметы дискурсивно развернутого анализа и осмысления в произведениях русской литературы XIX века (например, невыразимость становящегося «я» Татьяны Лариной в «Евгении Онегине»), что косвенно подтверждает справедливость нашей позиции.